

*На правах рукописи*



Мусеев Николай Александрович

**ГЕРМЕНЕВТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА:  
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 09.00.13 – Философская антропология,  
философия культуры

**АВТОРЕФЕРАТ**  
диссертации на соискание учёной степени  
кандидата философских наук

Пермь 2019

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет» на кафедре философии и права.

**Научный руководитель:** доктор философских наук, профессор  
**Железняк Владимир Николаевич.**

**Официальные оппоненты:** доктор философских наук, профессор,  
профессор кафедры философии,  
культурологии и социологии ФГБОУ  
ВО «Оренбургский государственный  
университет»

**Коломиец Галина Григорьевна,**  
кандидат философских наук, доцент,  
заведующий кафедрой богословия и  
философии РО-ДООВО «Нижегородская  
духовная семинария Нижегородской епархии  
Русской Православной Церкви (Московский  
Патриархат)»

**Ворохобов Александр Владимирович.**

**Ведущая организация:** ФГБОУ ВО «Саратовский национальный  
исследовательский государственный  
университет имени Н.Г. Чернышевского».

Защита состоится 27 июня 2019 г. в 15 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 212.164.03 при ФГБОУ «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1, многофункциональный пользовательский центр (ауд. 209).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.

Диссертация и автореферат размещены на официальном сайте ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ и официальном сайте ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина»

[https://www.mininuniver.ru/images/news/Документы\\_для\\_новостей/Диссертация\\_Мусеев\\_Н.А.\\_-\\_Герменевтика\\_поэтического\\_текста\\_2019.pdf](https://www.mininuniver.ru/images/news/Документы_для_новостей/Диссертация_Мусеев_Н.А._-_Герменевтика_поэтического_текста_2019.pdf)

Автореферат разослан 17 мая 2019 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,  
доктор философских наук, доцент



И.И. Сулима

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** Вопрос о сущности человека является одним из самых проблемных в философском знании, он возникает как вечно актуальная попытка установить собственное место в мире, ответить на вопрос о границах личных возможностей и, более того, о границах ответственности перед Другим. Проблема эта обретает особую значимость в периоды трансформации основ общественной жизни, поскольку вопрос о человеке есть также вопрос о существенных чертах самой культурно-исторической ситуации, о современности как таковой.

Многомерность использования понятия «человек», наблюдаемая в настоящий момент, свидетельствует об активном исследовательском интересе, но также свидетельствует о существовании множества несоизмеримых моделей понимания данного феномена. Трансформация фундаментальных положений философствования усложнила задачу понимания человека, привела к деконструкции базовых понятий, определяющих его внутреннее содержание. Разрушение прежней картины реальности, в которой действовал человек «большой культуры», отнюдь не означает, что он перестает активно действовать в мире. Однако отсутствие бытийного критерия выбора, фундированного во внутреннем единстве человеческого опыта (понятого как опыт «души» или «внутренний голос» гения), приводит к экзистенциальному сомнению во всяком возможном действии. Эта проблема напрямую связана с современной культурной ситуацией, характеризующейся формально-техническим отношением к миру. Само это отношение влияет на изменение подхода к онтологии человеческого существа и сфере его существования. Можем ли мы рассматривать господство технического отношения в качестве единственно возможной реализации человека в современном мире? Исчерпывает ли способ бытия в повседневности человеческое бытие как таковое? Или же данная форма указывает лишь на один из способов существования, скрывая при этом сущностные, бытийные характеристики человека? Эти вопросы обращают нас к выявлению особенностей тех форм бытия, которые реализуются в иных, нежели повседневность, модусах существования.

Актуальной задачей поэтому становится *осмысление способов человеческого бытия*, противостоящих опыту бытия в повседневности. В качестве специфического региона (и соответствующего ему способа существования) выступает пространство событийного опыта, реализуемое в искусстве. Совмещая в себе как экспрессивно-знаковую деятельность по осмыслению мира, так и активную позицию по его преобразованию, искусство, рассматриваемое в экзистенциально-антропологическом аспекте, предстает источником уникального опыта, выступает как исконный способ выражения специфически человеческой реальности, что позволяет прояснить особенности бытия современного индивида. Именно сфера событийной реальности

обнаруживает пределы формально-технического отношения с присущим ему типом мышления и способом существования.

Специфика подхода, реализованного в данном исследовании, заключается в том, что анализ сущностных черт человека осуществляется в форме погружения в онто-антропологическую проблематику на материале поэтического текста, а также конкретного экзистенциального опыта, спровоцированного инерцией поэтического образа. Своеобразие поэтического текста заключается в медиальном положении высказывания, находящегося между миром поэтической образности и его конкретным дискурсивным выражением. Возможность понимания действительности и самого себя, таким образом, открывается в непосредственной данности мира в «событии языка». Герменевтическое прояснение «поэтического» события, модифицирующего способ человеческого существования, с одной стороны, позволяет раскрыть новые аспекты антропологической проблематики (вне категориальной привязки к метафизической традиции), с другой, свести онтологические, гносеологические и культурологические подходы к исследованию феномена человека в единый комплекс философско-антропологического знания. В свете поиска сущностных черт человеческого существования гносеологический аспект уступает место вопросу о конкретном содержании экзистенциального опыта, этот опыт не может быть отделён от индивидуальной жизни, то есть не может иметь чисто теоретический характер, в связи с чем актуальным является анализ конкретных способов доступа к реальности, укоренённых в «жизненном мире» традиции.

Герменевтическое истолкование содержания внутрисобытийного опыта, открытого в процессе «захваченности» поэтическим текстом, таким образом, напрямую касается вопроса о природе человека. Именно в опыте конкретного отношения к действительности, реализуемого в событии, проблема человеческого существования обретает свою бытийную звучность.

**Степень научной разработанности проблемы.** Вопрос о природе человека в философской рефлексии возникает уже в античной мысли, но поскольку особую исследовательскую и экзистенциальную остроту проблема человека и творческой деятельности обретает в XX веке, преимущественный интерес вызывают работы представителей философской мысли прошлого столетия, а также творчество учёных начала XXI века.

Учитывая специфику данного исследования, изучение избранной темы опирается, прежде всего, на экзистенциально-феноменологический подход. В данном свете антропологическая проблематика предполагает герменевтическое исследование влияния внутрисобытийного опыта искусства на реализацию сущностных характеристик человека, а также на сам способ его бытия. В контексте избранного подхода в работе представлен проект *событийной антропологии поэтического бытия*, базирующийся на творческом переосмыслении философии М. Хайдеггера, М. Шелера и М. Фуко. Данный философско-антропологический подход был реализован благодаря *феноменологии и герменевтике*.

В основании работы лежат *онто-антропологические исследования*. Среди зарубежных работ, посвященных проблеме человека и его творческой деятельности, важное значение имеют труды Дж. Агамбена, Х.У. Гумбрехта, П. Слотердайка. Российские исследования представлены изысканиями В.Д. Губина, П.С. Гуревича, В.Ю. Дорофеева, С.В. Комарова, Б.В. Маркова, В.А. Подороги и др. На сложные отношения, выстраиваемые между человеком и миром в ходе эстетической коммуникации, указывают Ф.И. Гиренок, В.В. Иванов, Н.Б. Маньковская, Б.А. Успенский.

Исследование избранной проблематики в рамках *феноменологического движения* представлено трудами Э. Гуссерля, а также работами Г. Башляра, Ж.-Л. Мариона, М. Мерло-Понти, М. Ришира. В отечественной науке проблематика феноменологической методологии и феноменологии искусства рассматривается в трудах: Вдовиной И.С., Долгова К.М., Инишева И.Н., Лехциера В.Л., Молчанова В.И., Разеева Д.Н. Мощным эвристическим потенциалом обладает феноменологическая эйдология А.Ф. Лосева. Анализ искусства представлен, в частности, в коллективной монографии «Феноменология искусства»<sup>1</sup>.

*Онто-герменевтика* представлена работами Х.-Г. Гадамера, В. Изера, В.В. Бибихина. Анализ события присутствует в герменевтике Клода Романо, проблема понимание в экзистенциальном ключе рассматривается в работах Е.В. Бакеевой. В отечественной мысли опыт исследования герменевтики как философской дисциплины и методологии прояснения феноменов культуры представлен в работах А.Л. Вольского, А.А. Грякалова, В.Г. Кузнецова, С.М. Малкиной, Н.В. Столбовой, И.И. Сулимы и др. Исследовательский материал, направленный на прояснение техники деструкции, деконструкции и герменевтики (в свете осмысления их взаимодополняемости), представлен в сборнике «Герменевтика и деконструкция»<sup>2</sup>. Работа по герменевтическому прояснению событийного опыта (на материале поэтического языка) присутствует в коллективной монографии «Герменевтика в России»<sup>3</sup>.

Методологические и практические исследования по герменевтическому и антропологическому прояснению мира искусства и литературы представлены в работах Р. Барта, Е.Е. Бразговской, Ю.М. Лотмана, У. Эко. Проблема изучения человеческого существования в отношении к универсальности и целостности опыта в искусстве рассматривается в работах Р. Арнхейма, Л.С. Выготского, Д.А. Леонтьева, Р. Мэя, К. Юнга и др.

Работы отечественных философов, затрагивающих эстетическую, герменевтическую и антропологическую проблематику, представлены именами С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, В.П. Шестакова и др. К современным философам, чьи работы посвящены полю искусства (антропологическим и

<sup>1</sup> См.: Феноменология искусства. М.: ИФ РАН, 1996. 263 с.

<sup>2</sup> См.: Герменевтика и деконструкция / под. ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. СПб.: 1999. 256 с.

<sup>3</sup> См.: Герменевтика в России: сб. науч. трудов. Выпуск 1. Воронеж: Изд. Воронежского гос. ун-та МИОН, 2002. 272 с.

онтологическим аспектам в частности), относятся Н.С. Автономова, М.А. Богатов, В.Н. Железняк, Г.Г. Коломиец, С.А. Лишаев, М.К. Мамардашвили, М.М. Маньковская, О.А. Седакова, М.Н. Эпштейн.

Среди диссертационных исследований, близких своим методологическим аппаратом и предметным полем, отметим следующих авторов Апаева А.Ю., Богатов М.А., Политов А.В.

Исследования поля искусства и литературы, представленные в различных направлениях и программах, включают в себя серьёзные работы как по истории и теории, так и по актуальной практике, однако проблема события, и та форма экзистенциального опыта, которая артикулируется в нём, не всегда соотносится с текущей ситуацией в гуманитарном знании. Именно поэтому в настоящем исследовании особое внимание уделяется трудам тех философов, которые стремятся объединить проблематику искусства (поэзии в частности) и художественного опыта с онтологической и антропологической проблематикой.

**Объектом исследования** выступает современный человек, погружённый в поэтический текст, который схватывается и изучается в экзистенциально-антропологическом ключе.

**Предметом исследования** является *событие «захваченности»* поэтическим текстом как основание для антропологического и герменевтического истолкования сущностных характеристик человека.

**Цель работы** состоит в герменевтическом прояснении опыта событийной «захваченности» поэтическим текстом, а также в последующем осмыслении способа «поэтического» бытия человека.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

1. Выявить специфику экзистенциально-антропологического и феноменологического подходов в исследованиях бытия и искусства (в свете философии события и философской антропологии).

2. Охарактеризовать ситуацию концептуализации языка и текста в современном гуманитарном знании (в дискурсе междисциплинарного исследования бытия человека в культурной традиции).

3. Установить методологические особенности антропологического и герменевтического подхода к истолкованию события «захваченности» поэтическим текстом.

4. Провести анализ основных понятий сферы событийной «захваченности» поэтическим текстом.

5. Проанализировать пространственно-временную структуру опыта, артикулируемого в событии поэтической «захваченности».

6. Представить способ «поэтического» бытия в мире (в контексте существующих форм бытия и мышления в современной культурно-исторической ситуации).

**Методология и методы исследования.** На формирование и спецификацию практического метода постижения поэтического текста оказал

влияние *экзистенциально-феноменологический* подход, систематический и понятийный аппарат которого служит основой для настоящего исследования. Данная методологическая парадигма ориентирует исследовательское внимание на дорефлексивный опыт, первичность охватывающего человека события. Стремление к пониманию происходящего через его переживание позволяет рассматривать проблему художественного (эстетического) события в аспекте непосредственного опыта «захваченности»<sup>4</sup>. Обращение к понятию события оказывается необходимым при решении проблем прояснения бытия поэтического текста (*онто-герменевтический аспект*) и самого способа бытия человека в событии поэтической «захваченности» (*антропологический аспект*).

Теоретико-методологической основой исследования события «захваченности» поэтическим текстом выступает *онто-герменевтика*. Герменевтический подход, базирующийся на положениях фундаментальной онтологии М. Хайдеггера (развитой Х.-Г. Гадамером) и философской антропологии М. Шелера, объединённых в единый концептуальный узел исследованием «субъективности», предложенным М. Фуко. Учитывая сущностное различие подходов М. Хайдеггера и М. Шелера, общая направленность к преодолению трансцендентализма метафизической традиции позволяет объединить их в свете идеи М. Фуко о преобразующем влиянии культурных практик на бытие «субъекта» в мире.

Истолкование феномена «захваченности» (как основания прояснения способа «поэтического» бытия человека) осуществлялось с учётом 1) фиксации «субъекта захваченности» в событийном пространстве произведения, 2) динамического аспекта его «трансформации» в процессе «захваченности», 3) неустранимой укорененности «субъекта обращения» в мире. В этой связи использовалась феноменологическая герменевтика М. Хайдеггера<sup>5</sup>, а именно метод *феноменологической конструкции*, а также «классические» методы *феноменологии* (редукция естественной установки, дескрипция феноменов, описание отдельных регионов бытия и их интерпретация). Для построения модели «поэтического» бытия человека в мире была необходима *деструкция* усреднённой формы существования в повседневности (противопоставленная «захваченности» миром поэтического произведения), и последующее *конструирование* способа бытия «человека» в свете раскрытых «избыточных» и «инореальных» способностей, реализуемых в событийном опыте.

Необходимым в работе оказалось обращение к методу *сравнительного анализа*, позволяющего зафиксировать центральные смысловые компоненты анализируемых понятий и подходов. Также использовался метод *мысленного эксперимента*, обуславливающий моделирование примеров значимых экзистенциальных ситуаций. Логика представленного исследования

<sup>4</sup> «Захваченность» понимается как пребывание внутри события, спровоцированного бытийными операторами искусства; определенность «субъекта» внутренними структурами события, реализующимися в пространстве поэтического текста.

<sup>5</sup> См.: Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 445 с.

реализована благодаря использованию общенаучных методов (анализ, синтез, дедукция, индукция, конкретизация, систематизация имеющегося историко-философского материала, аналогия).

В работе предлагается специфический методологический подход, «обратная перспектива» в реконструкции способов бытия человека в мире. Такой подход обуславливает и внутреннюю логику работы, заключающуюся в поступательном движении от герменевтики события «захваченности» поэтическим текстом к герменевтике поэтической «захваченности» событием – *к антропологии поэтического бытия*. Сначала необходимо реконструировать внутреннюю структуру события, реализуемого в поэтическом произведении (с целью выявить специфические особенности имманентного опыта и пространства его реализации), а затем, обратным ходом, выявить специфику самого *способа бытия человека*.

**Научная новизна** результатов исследования:

1. Сформулирован авторский концепт «поэтической захваченности», позволяющий исследовать антропологическую и онтологическую проблематику в экзистенциальном опыте, обусловленном внутрисобытийным «хронотопом».

2. В свете экзистенциально-антропологического подхода к эстетическому опыту как средству доступа к подлинному бытию человека поэтический текст рассмотрен в качестве «экзистенциально напряжённой формы», доказывающей его автономный бытийный характер (и отвергающей его понимание как простой предикации авторского опыта).

3. В работе интерпретированы ключевые понятия сферы событийной «захваченности» поэтическим текстом – «автор», «читатель», «вещь», «поэтическое слово». Учитывая специфику подхода, полагающего интерпретацию данных феноменов *изнутри* встречи с поэтической реальностью, истолкование осуществлено в экзистенциально-онтологическом ключе, что позволило исключить а) односторонность гносеологического понимания мира произведения и б) обращение к аксиоматике классической философии искусства с её догматическим категориальным основанием. «Автор» представляет собой медиальное суб-бытие ситуации (мира произведения), воплощенное в настроении, охватывающем «читателя» в событии «захваченности». «Читатель», понимаемый как «обращенный субъект» поэтического события, выступает источником реализации экзистенциально напряжённой формы, он актуализирует мир произведения энергией собственного экзистирования. «Поэтическое слово» рассматривается как каркас бытия-ситуации мира произведения, «поэтическая конструкция» вмещает в себя пространство экзистенциального диалога, провоцирует эйдетическую явленность «вещи» в форме имени. «Вещь», явленная в пространстве «захваченности» поэтическим текстом, истолкована как «самое само» (А.Ф. Лосев), выступающее в своей эйдетической полноте («вещности» и «истинности»).

4. Осуществлено онто-антропологическое истолкование событийного пространства и времени, что позволило выявить антропологическую структуру опыта поэтической «захваченности».

5. В контексте герменевтического прояснения событийного опыта, определяющего формы восприятия мира и отношения к нему, истолкована специфика повседневного и «поэтического» бытия человека в современной культурной ситуации.

**На защиту выносятся следующие основные положения:**

1. Эмансипация чувственного опыта и пересмотр базовых положений классической метафизики актуализируют проблему *события*. На этой базе оказывается возможной событийная антропология. В свете данного подхода эстетический опыт рассматривается как конфигурация границы между онтологическим и онтическим измерениями бытия. Утверждая наличие неустранимой связи между человеком и миром, экзистенциально-антропологический подход позволяет рассмотреть искусство в качестве *медиального феномена*, дающего непосредственный доступ к событийной реальности.

2. Концепт «поэтической захваченности», сконструированный с учётом особенностей бытийной и антропологической проблематики, предполагает погружение в событие поэтического произведения. Поэтическая «захваченность» понимается как пребывание внутри события, а также как определённая «субъекта захваченности» внутрисобытийными структурами. Антропологические и герменевтические техники истолкования «захваченности» представляют собой модификацию феноменологической дескрипции (последовательного описания структуры экзистенциального опыта, реализованного в процессе «бытийного обращения» «субъекта захваченности»).

3. Жизнь человека в культурной традиции есть жизнь в языке, им задается экзистенциальная и семантическая система координат понимания и существования. Поэтический текст, реализующийся в опыте событийной «захваченности» как «экзистенциально напряжённая форма», представляет собой автономный бытийный феномен. Именно поэтому он может играть роль «медиума» человеческого бытия. Мир поэтического произведения есть конкретная бытийная ситуация, разворачивающая собственное пространственно-временное содержание в экзистенциальном опыте.

4. Антропологическое прояснение сферы событийной «захваченности» предполагает исходное усмотрение дополнительного *живого* акта, возникающего в пространстве конкретно-понятийного устройства произведения. Событийный мир экзистенциально напряжённой формы есть мир ситуации, наполненный живым опытом пребывания в ней. Участниками экзистенциального диалога выступают «автор», «читатель» и «вещи». В ситуации «захваченности» их общение оборачивается кардинальной трансформацией «субъективности» человека. «Автор» есть источник возможного бытийного опыта, воплощенного в поэтике конкретного произведения, он открывает пространство бытийной разомкнутости силой

собственного трансцензуса. В событии поэтической «захваченности» «вещь» выступает в своей эйдетической и онтологической полноте как бытийный феномен («самое само») – больший, нежели сумма потенциальных восприятий, длящихся во времени повседневного восприятия.

5. «Захваченность» поэтическим текстом, рассматриваемая как пребывание в уникальном событии произведения, предполагает трансформацию повседневной пространственно-временной структуры. Темпорально-топическая структура художественного опыта, артикулируемого в пространстве поэтического текста, раскрывается в *настроении* присутствия и в его *экстатическом времени*.

6. Пребывание в событии поэтической «захваченности» «изымает» человека из мира повседневного существования, трансформирует его «субъективность» таким образом, что встреча с «подлинной реальностью» (инобытием) оборачивается выстраиванием уникальной жизненной траектории, противостоящей «проективной модели судьбы». В силу своего «телесного» (материального) устройства – произведение выступает *онтологической «смычкой»* между внутренней реальностью событийной «захваченности» и телом человека, встроенным в «жизненный мир» культуры. Искусство, реализованное в качестве экзистенциально напряжённой формы, способно провоцировать переключение бытийных регистров присутствия, осуществляя разомкнутость, необходимую для человеческого самоопределения в полноте опыта. «Поэтическое бытие», таким образом, есть сохранение человеческого бытия как выстраивание индивидуальной линии судьбы в мире господства формально-технического существования. Роль искусства в бытийной судьбе современного человека заключается в предоставлении ему уникальной возможности *сбыться*.

**Тема диссертационного исследования соответствует следующим пунктам паспорта специальности «09.00.13 – Философская антропология, философия культуры»:** 2.14. Экзистенциальная антропология; 2.28. Модерн и постмодерн в исследовании феномена человека; 2.3. Человек как особый род сущего; 3.31. Герменевтические проблемы исследования культуры.

**Теоретическая и практическая значимость работы** заключается в систематизации и концептуализации положений современного философского дискурса в исследованиях искусства и конкретных способов человеческого существования, а также в критическом историко-герменевтическом анализе оснований современной онтологии. Учёт выявленных особенностей даёт возможность для онтологического и антропологического исследования структур художественного опыта в современной философии. В работе представлена интерпретация смыслового содержания ряда классических и неклассических категорий в свете онто-антропологического исследования событийной «захваченности», что позволяет работать с внутренней сферой опыта, не обращаясь к метафизическим категориям. Работа может стать основанием для дальнейшего исследования актуальных проблем современной философии, философской антропологии, эстетики и теории коммуникации.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при подготовке специальных и общепсихологических лекционных курсов, учебных планов и пособий; результаты и материал диссертации могут применяться в практике преподавания гуманитарных дисциплин. Результаты, полученные в ходе работы, могут иметь значение для практически ориентированной философии сознания, а также использоваться в психотерапевтической практике. Кроме того, практическое значение полученных в ходе исследования результатов заключается в том, что они могут, с одной стороны, способствовать обретению устойчивого экзистенциального основания для совершения поступка, с другой, играть важную роль в прояснении собственного места в мире. Содержание сформулированных в исследовании положений может быть применено к анализу актуальных процессов современной культурной и общественной жизни.

**Степень достоверности результатов исследования.** Основой достоверности выводов, полученных в ходе исследования, является апробация результатов и публикация основных положений в научных изданиях. Достоверность исследования подтверждается также обоснованной теоретико-методологической базой и обращением к обширному кругу задействованной философской литературы.

**Апробация результатов исследования.** Основные выводы исследования были представлены на конференциях всероссийского и международного уровня. В частности, на всероссийской научно-практической конференции «Образ инженера XXI в.: вызовы технотронной цивилизации» (16-17 декабря 2014, г. Пермь, ПНИПУ); XVIII международной научно-практической конференции «Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии» (29-30 октября 2015, г. Пермь, ПГНИУ); IV международной научно-практической конференции «Инновационные процессы в исследовательской и образовательной деятельности» (21 апреля 2015, г. Пермь, ПНИПУ); II международной научно-практической конференции «Образ инженера XXI в.: социальная оценка техники и устойчивое развитие» (6-8 декабря 2016, г. Пермь, ПНИПУ); XIV всероссийской научно-практической конференции «Формирование гуманитарной среды в вузе, техникуме, школе: инновационные образовательные технологии, компетентностный подход» (25-26 апреля 2016, г. Пермь, ПНИПУ), а также на VII смольских чтениях «Мультидисциплинарность в науке и искусстве: тенденции и перспективы» (19-21 апреля 2018, г. Санкт-Петербург, СПбГУ). Результаты исследования периодически докладывались на научных семинарах в ПНИПУ (кафедра философии и права), где автор проходил обучение в аспирантуре, а также в ПГНИУ (кафедра истории философии). Основное содержание работы изложено в 15 научных публикациях автора, 3 из которых опубликованы в научных журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК, а одна публикация является главой в коллективной монографии.

Диссертационная работа обсуждалась на заседании кафедры философии и права ПНИПУ и рекомендована к защите.

**Структура и объём работы.** Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения и списка литературы объёмом 251 наименование. Общий объём диссертационного исследования составляет – 194 страницы.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** представлена актуальность темы исследования, степень её изученности и научной разработанности, сформулированы цель, объект, предмет и задачи исследования, описаны методологические основания работы, раскрыта научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, а также описана апробация результатов исследования и их достоверность.

В **первой главе «Экзистенциально-феноменологический подход в исследованиях бытия искусства»** представлен анализ экзистенциально-антропологического и феноменологического подходов в исследованиях бытия и искусства.

В **первом параграфе «Экспликация методологических оснований критической онтологии в контексте философской антропологии и философии события»** рассматриваются ключевые тенденции в философском знании, определяющие современную специфику онтологической и антропологической проблематики в континентальной традиции. В контексте поиска исследовательских оснований, соответствующих актуальной ситуации, рассматриваются учения Э. Гуссерля, М. Шелера и М. Хайдеггера. Само исследование, таким образом, представлено в рамках феноменологического движения, выразившего тенденции переосмысления категорий бытия и сознания, а также кардинально трансформировавшего подход к их исследованию. Показано, что путь, начатый М. Шелером и М. Хайдеггером как преодоление трансцендентализма классической мысли, обернулся созданием философской антропологии и фундаментальной онтологии, исходящих из примата экзистенциально-онтологических установок (выраженных в экзистенциальной аналитике *Dasein*, понимании «субъекта» как динамической структуры и др.). Вопрос о бытии получает развитие в свете осмысления проблемы *события* (аспекта становления и различания). В данном контексте экзистенциально-феноменологический подход, учитывающий живое участие человека в мире (переживание мира как уникальной ситуации), представлен в качестве релевантного основания для а) исследования различных форм экзистенциального опыта и б) анализа способов бытия человека в мире. В рамках данного подхода представлен проект событийной антропологии, базирующийся на переосмыслении учений М. Шелера, М. Хайдеггера и М. Фуко, и представляющий собой конкретное исследование воздействия событийного опыта (и определяющих его медиальных бытийных феноменов)

на способы человеческого существования в мире. Особенность данного подхода заключается в исследовании человека, погружённого в бытийно-смысловое поле произведения искусства, оказывающего трансформирующее влияние на сам способ бытия.

**Во втором параграфе «Язык в современном гуманитарном знании и культуре: концептуализация в междисциплинарном дискурсе исследования»** рассматривается смысловая трансформация философствования, связанная с актуализацией языка в программах осмысления форм человеческого бытия и культуры. Язык понимается как онтологическая и символическая среда присутствия человека (дискурс), именно им задаётся экзистенциальная и семантическая система координат понимания и существования. Человек в данном случае представляет собой *«языковую личность»*. Данные положения фундируют образ языка как *пространства* («дом», «среда» и др.), в котором человек встречается с миром, открывает его как актуальную реальность своего бытия-понимания. Включенность человека в «языковой каркас» определяет восприятие действительности, более того, «каркасом» обусловлен опыт жизни и мышления (в этой связи рассматривается специфика поэтической речи, обращённой к онтологическому, а не онтическому измерению бытия). «Текст» рассматривается как форма актуализации бытийно-смыслового поля традиции в индивидуальном бытии человека и представляет собой форму выражения инстанции *Письма* (онтологического принципа существования континуума традиции). Искусство, супротив традиционному гносеологическому истолкованию, рассматривается как онтологический феномен. Поэтический текст, таким образом, выступает уже не как «вторичная моделирующая система» (Ю.М. Лотман), но как специфическое *медиальное пространство*, открывающее доступ к непосредственному *переживанию* бытия, а также как пространство, реализующееся в уникальной экзистенциально-дискурсивной форме. Событийное воздействие мира поэтической образности имеет непосредственное влияние на способ существования читателя, что обусловлено самой музыкально-интонационной структурой «захватывающего» текста (т.е. текста, понятого как кристаллическая структура дискурсивно-событийного опыта).

**В третьем параграфе «Искусство в свете экзистенциально-антропологической проблематики»** рассматривается бытийная специфика искусства, а также его влияние на способ человеческого бытия и мышления. Общая направленность актуальной мысли на постижение непосредственного опыта мира, открывающегося в допредикативном восприятии, в свете феноменологического подхода связана с редукцией «естественной установки» сознания. Анализ реализуемых в искусстве специфических интенциональных актов позволяет зафиксировать его как конкретную сферу, обладающую «феноменологическим преимуществом» в регистрации непосредственной данности мира. Искусство представлено как феномен, изначально данный сознанию вне «естественной установки» (само его восприятие открывается в

модусе *«спонтанного ероче»*). Показано, что событийный опыт, реализующийся в эстетической коммуникации, напрямую связан с *формой*, дискурсивной конструкцией, выступающей в качестве медиального феномена, дающего непосредственный доступ к событийной реальности в переживании (само произведение есть, таким образом, потенциальная экзистенция). Событийное взаимодействие человека с миром произведения (обладающим специфической пространственно-временной структурой) запускает механизм бытийного размыкания, обуславливающий выход человека из повседневной усреднённости (характеризующейся *формально-техническим* существованием в установках Gestell). Переживание уникальной и непосредственной данности мира в полноте экзистенциального опыта, открытого в искусстве, воздействует на способ человеческого существования. Специфика воздействия эстетического опыта раскрывается в анализе форм бытия человека в мире (*повседневное/«поэтическое» (инобытие)*), и реализуется в последовательном анализе соответствующих им типов мышления (*расчёт/осмысление*), а также в прояснении определяющих их модусов временности. Уникальность «поэтического» бытия, изымающего человека из мира утилитарного отношения в повседневности, обусловлена особой связью человека с миром, иными, нежели в повседневности, модусами его восприятия и существования в нём (что реализуется в существенной модификации отношения к Другому).

**Вторая глава «Герменевтическое истолкование события «захваченности» поэтическим текстом»** посвящена прояснению специфики человеческого существования в событии «захваченности» поэтическим текстом, а также представляет последующее истолкование способа поэтического бытия в современной культурной ситуации.

**В первом параграфе «Пространство событийной «захваченности» в дискурсе онтогерменевтики»** рассматриваются особенности подхода к анализу события «захваченности» поэтическим текстом. Сама «захваченность» представлена как специфическая конфигурация существования человека в событии, спровоцированном бытийными операторами искусства (в частности, эстетическим воздействием, возникающим в домене дискурсивности). Речь, таким образом, идёт об экзистенциальном опыте, обусловленном инерцией поэтической строки, создающей особый мелодический лад настроенности, изымающей человека из потока обыденности. Поэтическое произведение, реализующееся в событии «захваченности», открывает специфический регистр экзистенциально-дискурсивного существования, воздействующий на читателя. Поэтический текст рассмотрен в качестве бытийного феномена (исключающего его понимание как вторичной предикации авторского опыта), и представлен в концепте *экзистенциально напряжённой формы*. Текст выступает медиумом, связующим «читателя» как с миром произведения, так и с его (читателя) собственной «самостью» (т.е. выступает проводником сущностных, бытийных характеристик читателя). При этом экзистенциально напряжённая форма представляет собой само пространство, вмещающее «образный» мир поэтического произведения, что обуславливает конкретную бытийную

ситуацию присутствия «захваченной субъективности». Экзистенциально напряжённая форма выступает в качестве структуры, реализующей событийный опыт и вмещающей экзистенцию в пределы собственной ситуации. В параграфе показано также, что само событие всегда *избыточно*, оно предполагает наличие живого акта присутствия, а анализ события – усмотрение этого акта, т.е. погружение в экзистенциально-онтологическую проблематику. При чтении вне события «захваченности» можно усваивать ту или иную информацию, получать интеллектуальное удовольствие от игры сюжета или разбираться в инерционной механике строфы, но из события открывается то, что не схватывается сознанием, но что «захватывает» сознание и в самом этом акте «преобразует» его. Событие, разворачиваясь в бытии ситуации конкретной экзистенциально напряжённой формы, открывает инобытийное пространство человеческого присутствия; «захваченность» поэтическим текстом рассматривается как пребывание *внутри* события, она выражается в мелодической напряжённости мира произведения и реализуется в актах экзистенциального диалога.

**Во втором параграфе «Интерпретация основных понятий сферы событийной «захваченности» поэтическим текстом»** истолкованы ключевые понятия поэтического события и экзистенциального диалога. Поэтическая «захваченность» втягивает в «горизонт события» не только «читателя», но весь мир поэтической образности (при этом сама по себе «захваченность» отнюдь не предполагает пассивности участников, но полагает их со-участие в реализации мира произведения). В интерпретации осуществлено усмотрение тугого диалектического узла бытийного общения «автора», «читателя» и «вещей» в ситуации экзистенциально напряжённой формы (что учитывает динамику их взаимодействия). Вне этого взаимодействия участники события выступают лишь тенью обыденных «прототипов», напротив, в событии они выступают в своей эйдетической полноте (избыточности). Зафиксированная в поэтике произведения монограмма жизни сознания «автора» (запечатлевшего допредикативный опыт в конструкции конкретного высказывания), разворачивается в событии *встречи* с «читателем», реализующим кристаллическую структуру экзистенциально напряжённой формы силой собственного экзистирования. Эта реализация обусловлена тем, что Я-автора совершает трансцензус для предоставления места Я-читателя в просторе разомкнутости, оседающая в уникальном тоне настроения произведения. В пространстве «захваченности», помимо «автора» и «читателя», присутствуют также «вещи». Показано, что их явление осуществляется на фоне мирового (бытийного) времени. «Веществование» вещи в событии «захваченности» интенсифицируется, она выступает в своей эйдетической полноте как «самое само» (А.Ф. Лосев), обретает индивидуальный лик и место в мировой линии судьбы. *Целая* вещь более не приемлет инструментального отношения к ней как к «подручному» (она выступает уже не как знак способа существования, но как живой символ). Внутри события «захваченности» вещь «лучится смыслами», пробуждая в экзистенции «читателя» отголоски прошлого, в

котором вещь эта впервые коснулась его в своей полноте («непостижимости», по выражению С.Л. Франка). Вещь предстаёт в настоящем а) из событийного опыта прошлого, но также – б) вызывает из возможного опыта будущего (реализуя онтологический принцип *ordo amoris*). Оказываясь перед вещами мира (но не миром вещей), «читатель» открывает *своё место* как пространство активного самоопределения. Показано также, что сам мир экзистенциально напряжённой формы возможен благодаря материи музыкально-поэтического слова, инерции сериальных метафорических переносов. Поэтическое слово интерпретируется в контексте *герменевтики поэтического текста* М. Хайдеггера и (модифицированной) *философии имени* А.Ф. Лосева, оно понимается как *имя*, сочетающее конкретную «предметность» вещи (ситуации) и её «истину» в актах поэтической номинации.

В третьем параграфе «**Пространство и время в событии поэтической «захваченности»**» раскрывается пространственно-временная структура события. Истолкование осуществляется в свете экзистенциальной аналитики и исходит из прояснения «понятий» – мир (Welt), экзистенциальный горизонт (близь/даль), экстазис, интимность (Vertrautheit), бытийное обращение и др., что предполагает деструкцию традиционного понимания категорий пространства и времени. Интерпретация внутрисобытийного мира произведения, базирующегося на тонкой диалектике переходов человека из одного регистра бытия в другой (взаимоисключающих друг друга в пределах собственного присутствия), открывает «захваченность» как сферу, обладающую собственным хронотопным единством, отличным от хронотопа повседневности. Топическая и темпоральная структуры событийной «захваченности» раскрываются в *настроении* присутствия и в его *экстатическом времени*. Показано, в частности, что в *настроении* открываются горизонты мира – «близь», «даль», «интимность», а также дана интуиция *целого* мира. Во внутрисобытийном времени, в свою очередь, отражён процесс глубокой интериоризации присутствия – его погружение в «самость». Человек не столько включён в определенное пространство (игра истолкования экзистенциала «In-sein»), сколько пространство разворачивается как место, в котором человек при-сутствует, т.е. находится в бытии. Развертывание экзистенциальных горизонтов близости и дали в событии есть со-творение пространства экзистенциально напряжённой формы, где человек обретает себя как уникальное «поэтическое» *настроение* бытия-ситуации. Процесс развёртки места-ситуации реализуется в актах «бытийного обращения» (В.Н. Железняк) «субъекта захваченности», представляющего собой событийное выпадение из потока времени повседневности (что несёт глубокий катарсический эффект). Процесс осуществления событийного хронотопа предоставляет пространство для реализации «избыточных» (Überschuß) сил человека, не реализуемых в повседневном существовании и мышлении.

В четвертом параграфе «**Антропология поэтического бытия**» раскрывается роль эстетического отношения (опыта искусства) в бытийной судьбе человека в современную эпоху технического рационализма, а также

представлена модель *поэтического бытия*. Учитывая весь предыдущий материал исследования, выступающий в качестве герменевтического прояснения «коренных» бытийных характеристик человека, рассматривается способ человеческого существования в мире, связанный с воздействием событийного опыта. Поэтическое бытие, противостоящее обыденному присутствию в повседневности (обусловленному формально-техническим отношением к «прозрачному» и заменимому сущему), рассматривается как уникальная возможность *сбыться*, обрести полноту самоосознания и выражения, реализуемую в отношении к Другому (специфика существования человека в мировой перспективе всегда выражается в совершившейся мысли и ответственном поступке). Бытие в повседневности рассматривается как реализация «проективной модели судьбы», несущей бытующий, но не бытийный смысл. Уникальность воздействия событийного опыта поэтической «захваченности» заключается в воздействии самой *формы* произведения, выступающей в качестве «смычки» онтического и онтологического измерений бытия человека (его «самости» и тела, встроенного в «жизненный мир» культурной традиции). Механика воздействия произведения (реализации эстетического отношения) раскрывается в свете концепций «*событийного тела*» и «*машины времени*». Экзистенциально напряжённая форма, рассекающая плоскость повседневности, воздействует на участки «событийного тела» человека. Она пробуждает потенциальное присутствие событийного опыта полноты и непостижимости, укоренённых в индивидуальном прошлом (в связи с чем в параграфе рассматривается проблема *памяти*), в музыкально-интонационном пространстве событийного опыта, актуализируемого в *настоящем моменте* «захваченности». Человек, «(пере)собранный» внутри текстурного событийного пространства, обретает основание и реальную возможность (*potentia*) для решительного поступка. Пребывание в событии «захваченности» поэтому отнюдь не сводится к молчаливому созерцанию явленных в актах номинации имён вещей и отношений (истины), но предполагает выход из события в мир. События укоренены в бытии мира, более того, событие есть реализация мира. Судьба, в конце концов, творится на земле. Поэтическое бытие, таким образом, истолковано как забота о мире, его со-хранение как пространства экзистенциального диалога. Поэтическое (эстетическое) отношение к миру фундирует в себе глубокий этико-метафизический пафос судьбы, экзистенциально-нравственную позицию активного участия в процессе создания индивидуальной и мировой линии исторической судьбы. Судьбы, понятой, с одной стороны, как целостное произведение, с другой, как уникальный и незаменимый голос в полифонии мира. Поэтическое бытие, таким образом, есть сохранение собственно человеческого образа жизни, представленного как движение к самому себе в пространстве, реализуемом самим усилием этого движения. Это напряжение «подлинной жизни», принятие себя и Другого в мире, открывает «избыточные» силы человека как источник

экзистенциальной энергии для *творческого* преобразования самого себя и действительности.

В **заключении** подводятся итоги диссертационной работы, а также даются рекомендации к перспективному использованию результатов исследования в направлениях, затрагивающих пространство избранной проблематики.

### **Список работ, опубликованных по теме диссертационного исследования**

**Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендуемых ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени кандидата наук:**

1. Мусеев Н.А., Железняк В.Н., Столбова Н.В. Онтология прекрасного: методологический проект // Культура и искусство. 2017. № 3. С. 31-40, 0,7 / 0,4 печ. л.

2. Мусеев Н.А. Поэзия и настроение: событие поэтической речи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 4. С. 56-62, 0,4 печ. л.

3. Мусеев Н.А. Возвращение метафизики в онтологических проектах современности // Общество: философия, история, культура. 2017. № 6. С. 51-54, 0,4 печ. л.

**Статьи в сборниках научных трудов и доклады, опубликованные на научно-практических конференциях:**

4. Мусеев Н.А. О поэтическом языке Ф. Ницше и М. Хайдеггера // Материалы региональной научно-практической конференции студентов, аспирантов, учащихся и молодых ученых «Мир науки и искусства» (Пермь, 2017). Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2017. С. 5-14, 0,6 печ. л.

5. Мусеев Н.А. Техника и поэзия: типология концептуальных фигур мышления в современной культуре (Часть I). // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2017. №. 2. С. 41-48, 0,5 печ. л.

6. Мусеев Н.А. Деятельное безделье: Парадоксы основания (перевод на немецкий) // Взгляд из России: размышления о мужестве лени и безделья. Труд и его судьба. М.: Изд-во МГУ, 2017. С. 61-80, 1,2 печ. л.

7. Мусеев Н.А. Онтология метафоры: концептуальная программа междисциплинарного исследования // Материалы XVI Всероссийская научно-практическая конференция «Формирование гуманитарной среды в вузе, техникуме, школе: инновационные образовательные технологии, компетентностный подход» (25-26 апреля 2016, ПНИПУ, г. Пермь). Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2016. С. 216-219, 0,2 печ. л.

8. Мусеев Н.А. Hermeneutik als Forschungshaupttrichtung in der Umwandlung der Kulturtradition // Материалы IV Международной научной конференции «Инновационные процессы в исследовательской и образовательной деятельности» (г. Пермь, 21 апреля 2015 г.). Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2015. С. 82-83, 0,2 печ. л.

9. Мусеев Н.А. Мифология технического объекта // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 2. С. 99-100, 0,2 печ. л.

10. Мусеев Н.А. Святость и поэзия. Основания художественного творчества в искусстве «Русского Ренессанса» // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2015. С.142-144, 0,4 печ. л.

11. Мусеев Н.А. «Сократические диалоги» в философской прозе А.М. Пятигорского (на материале романа «Философия одного переулка») // Материалы XVIII Международной научно-практической конференции «Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии» (г. Пермь, 29-30 октября 2015 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2015. С. 87-92, 0,4 печ. л.

12. Мусеев Н.А., Балакина В.В. Деконструкция телесности. К проблеме феномена деконструкции в искусстве // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2014. С. 106-109, 0,2 / 0,1 печ. л.

13. Мусеев Н.А. «Начала бытия» как категории культуры. Опыт «недогматического» толкования онтологии П. Флоренского в дискурсе науки о культуре. Перспективы исследования // Материалы седьмой открытой науч.-практ. конф. Студентов, аспирантов и молодых ученых XXI век – время молодых. ПГГПУ. Пермь, 2014. С. 51-55, 0,4 печ. л.

14. Мусеев Н.А. К проблеме пространственно-временных категорий в философско-антропологических концепциях Павла Флоренского и Анри Бергсона. Пути построения научной модели исследования // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2013. С. 68-71, 0,2 печ. л.

15. Мусеев Н.А. Категория времени в тибетском искусстве. Попытка построения научной модели исследования // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2012. С. 94-96, 0,2 печ. л.

Подписано в печать 26 апреля 2019 г.  
Формат 60×90/16.  
Печ. л. 1,3. Тираж 130 экз. Заказ \_\_\_\_\_ .

Отпечатано с готового оригинал-макета  
в типографии издательства Пермского национального  
исследовательского политехнического университета  
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.  
Тел.: (342) 219-80-33